

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о, как произнесу.
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несусу!*

Данте.
Божественная комедия¹

*Гармония — такое же редкое явление,
как попутный ветер в море.*

Харви Оксенхорн.
Управление оснасткой

¹ Перевод с итальянского М. Лозинского. — *Здесь и далее прим. пер.*

ГЛАВА 1

Подсудимый Миямото Кабуо сидел неподвижно, гордо выпрямившись, едва касаясь ладонями стола, — весь его облик говорил о том, что он никак не соотносит себя с этим судебным процессом. На галерее потом по-разному объясняли непроницаемый вид подсудимого: одни считали, что этим он выражал свое презрение к суду, другие — что скрывал страх перед последующим приговором. Но что бы там ни говорили, Кабуо оставался невозмутим — даже ресницы не дрогнули. Он был в белой рубашке, застегнутой на все пуговицы, и серых, без единой складки брюках. Подсудимый держался подчеркнуто прямо, и все в его фигуре, особенно шея и плечи, говорило об исключительной физической силе. У него были темные глаза, гладкое худощавое лицо с заметно выдававшимися скулами, подчеркнутыми короткой стрижкой. Когда ему зачитывали обвинение, он сидел с невозмутимым видом, глядя прямо перед собой.

Все места на галерее были заняты, и все же ничто не напоминало ту возбужденную атмосферу, которая иногда присутствует во время суда над убийцей в сельской местности. Наоборот, все восемьдесят пять собравшихся вели себя до

странности тихо и слушали внимательно. Большинство из них знали Карла Хайнэ — рыбака с женой и тремя детьми, похороненного на лютеранском кладбище на Индейском холме. Многие оделись с особой тщательностью, как на воскресную службу, а поскольку зал суда, каким бы мрачным он ни был, сопрягался в их душах с торжественностью дома богослужений, они и вели себя подобающим образом.

Зал, в котором председательствовал судья Льюэлин Филдинг, находился в самом конце сырого, продуваемого сквозняком коридора на третьем этаже здания окружного суда; это был самый обыкновенный зал, маленький и обшарпанный. В нем преобладали серые оттенки и унылая простота: тесная галерея, скамья для судьи, место для дачи свидетельских показаний, фанерная платформа для присяжных и потертые столы для подсудимого и его обвинителя. Присяжные старались выглядеть бесстрастными и напряженно вслушивались, пытаясь вникнуть в суть дела. Мужчины — двое фермеров, вышедший на пенсию ловец крабов, бухгалтер, плотник, строитель с верфи, зеленщик и чернорабочий с рыболовецкой шхуны — облачились в костюмы с галстуками. Женщины — пенсионерка, прежде работавшая официанткой, секретарша с лесопильного завода и две беспокойные жены рыбаков — надели выходные платья. Рядом в качестве запасного присяжного сидел парикмахер.

Судебный пристав Эд Сомс по просьбе судьи подпустил в едва дышащие радиаторы порядочно пара, и теперь они то и дело вздыхали по

углам зала. Казалось, что из-за влажной духоты в воздухе повис кислый запах плесени.

В то декабрьское утро падал снег; четыре высоких узких арочных окна едва пропускали слабый зимний свет. Ветер с моря залеплял окна снежинками; они таяли и стекали по оконному переплету. Снаружи, вдоль побережья острова, протянулся городок Эмити-Харбор. На некоторых холмах острова стояли обветшалые, пострадавшие от непогоды викторианские особняки, пережитки утраченной эпохи морского владычества; они смутно виднелись сквозь снегопад. Над особняками круто возвышались кедровые деревья, раскинувшись неподвижным зеленым пологом. Снег скрадывал очертания этих кедровых холмов. Ветер с моря упрямо гнал снежинки на остров, бросая их на душистые деревья, и снег медленно, но верно оседал на верхних ветках.

Каким-то уголком сознания Кабуо следил за снегопадом. Он сидел в окружной тюрьме вот уже семьдесят семь дней, с конца сентября, а сейчас наступил декабрь. В подземной камере не было ни окон, ничего, откуда бы проникал осенний свет. Кабуо с грустью понял, что пропустил осеннюю пору — она уже прошла, испарилась. Яростный, хлещущий снежинками по стеклу снегопад, за которым он наблюдал краем глаза, вдруг показался ему бесконечно красивым.

Сан-Пьедро был островом пяти тысяч отсыревших душ; название острову дали испанцы в 1603 году, когда сбились с курса и стали на якорь неподалеку от берега. Они, как и многие их соотечественники в те времена, отправились

на поиски северо-западного пути. Экспедицию возглавлял Вискаино; лоцман, Мартин де Аквилар, послал на берег команду матросов, чтобы те срубили в зарослях гемлока у края воды ствол для рангоута. Едва только матросы сошли на берег, как их тут же убили охотники за рабами из индейского племени нутка².

Затем появились переселенцы — большей частью заблудшие души и чудачи, свернувшие с Орегонской тропы³. В 1845 году канадские британцы, не поделившие границу, устроили бойню, зарезав несколько свиней, однако с тех пор на острове Сан-Пьедро никакого насилия не происходило. Самым ужасным происшествием за последние десять лет стало огнестрельное ранение, которое получил один местный житель от яхтсмана из Сиэтла во время празднования Дня независимости в 1951 году.

Эмити-Харбор, единственный городок на острове, обслуживал причал, где швартовались сейнеры с кошельковыми неводами и одноместные шхуны с жаберными сетями. Этот приморский городок был не без причуд, его заливало дождями и обдувало ветрами — забытое богом, заплесневелое местечко с выцветшими вывесками и бурыми от ржавчины канализационными трубами. На высоких обрывистых склонах ничего не росло; зимними ночами в сточных канавах с высокими бортиками бурлили дождевые потоки.

² Племя, жившее на озере Ванкувер (Канада) и северо-западе современного штата Вашингтон.

³ Дорога, сыгравшая важную роль в освоении свободных земель на Западе США в XIX веке.

Морской ветер частенько мотал единственный светофор из стороны в сторону или вызывал перебои с электричеством, на восстановление которого уходило несколько дней. На Главной улице городка находились зеленая лавка Петерсена, почта, магазин хозяйственных товаров Фиска, аптека Ларсена, магазин дешевых товаров, которым владела одна дама из Сиэтла, электростанция «Пьюджет Пауэр», свечная лавка, магазин одежды Лотти Опсвиг, агентство недвижимости Клауса Хартманна, кафе «Сан-Пьедро», ресторан «Эмити-Харбор» и издававшая виды запра-вочная братьев Торгерсонов, на ней же и работавших. Консервный завод у причала источал запах рыбы, а пропитанные креозотом сваи паромного причала, находившегося в ведении штата, торчали посреди флотилии заплесневелых шхун. Дождь, этот дух места, с завидным упорством подтачивал все то, что было сделано человеческими руками. Зимними вечерами ливневые потоки обрушивались на мостовые Эмити-Харбор, и городок становился невидимым.

Но остров, покрытый зеленью, не был лишен и привлекательности; его пейзажи настраивали местных жителей на поэтический лад. Куда ни глянь, всюду вздымались огромные холмы, украшенные мягкой зеленью кедров. Дома на острове отсыревали и покрывались мхом, выстроенные на отдаленных полях и в долинах, поросших люцерной, кормовой кукурузой и клубникой. Уха-бистые дороги, кое-где обнесенные забором из кедра, пролегали под тенью деревьев мимо лугов с папоротником-орляком. На лугах паслись

коровы, одолеваемые летом мошкаррой; от них сладковато пахло навозом. На обочине то тут, то там встречались кучи душистой стружки и кедровой коры, оставленные местными жителями, в одиночку пилившими бревна. Пляжи поблескивали гладкими камнями и морской пеной. Остров был изрезан парой десятков бухточек и узких заливов, откуда открывался приятный вид на стайки парусных шлюпок и летние домики; таких нетронутых мест на острове было великое множество.

В зале суда напротив четырех высоких окон установили стол, чтобы разместить всех съехавшихся на остров репортеров. Приезжие — трое из Беллингема, Анакортеса, Виктории и еще трое из Сиэтла — относились к происходящему без должного пиетета, столь заметного среди граждан на галерее. Репортеры сидели развалившись, подперев головы руками, и перешептывались с видом заговорщиков. Радиаторы находились за самыми их спинами, и репортеры обливались потом.

Исмаил Чэмберс, репортер из местных, тоже вспотел. Ему был тридцать один год, это был высокий мужчина с суровым лицом и взглядом человека, побывавшего на войне. У него была только одна рука, левую ампутировали на десять дюймов ниже плечевого сустава, поэтому конец рукава пальто свисал, пристегнутый в локте. Исмаил чувствовал, что презрение и пренебрежение кучки заезжих газетчиков направлены на остров и его обитателей — граждан, сидевших на галерее. Разглагольствования газетчиков перемещи-

вались с миазмами пота и духоты, вызывая некую вялость. Трое чуть ослабили узлы галстуков, еще двое сняли пиджаки. Они были репортерами, людьми, которых профессия сделала пресыщенными и невосприимчивыми, слишком поднатюрешшими в окончательных оценках, чтобы сделать над собой усилие и соблюсти негласные условности, ожидаемые островом от приезжих с материка. Исмаил, будучи жителем местным, не хотел походить на них. Подсудимый Кабуо не был для него человеком чужим, они вместе учились в школе, и он не мог, как другие репортеры, скинуть пиджак перед Кабуо, которому предъявили обвинение в убийстве. Утром, без десяти девять, Исмаил говорил с женой подсудимого на втором этаже здания суда. Она сидела в коридоре на скамейке, спиной к сводчатому окну, как раз напротив закрытого кабинета юридического советника; по всему было видно, что женщина собирается с мужеством.

— Как ты? — спросил он ее, но вместо ответа она отвернулась. — Пожалуйста, Хацуэ, не молчи, — умоляюще сказал Исмаил.

Тогда она посмотрела ему в глаза. Уже потом, когда суд закончится, Исмаил решит, что темнота ее глаз заслонила собой всякие воспоминания о тех днях. Ему запомнилось, с какой тщательностью ее черные волосы были собраны в низкий пучок на затылке. Она не говорила с ним подчеркнуто холодно, не выказывала ненависти, но он все равно почувствовал отчужденность.

— Уходи, — прошептала она, хмуро глянув на него.

Исмаил потом так и не понял, что означал ее взгляд — упрек, печаль или боль.

— Уходи, — повторила Миямото Хацуэ и снова отвернулась.

— Зачем ты так? — взмолился Исмаил.

— Уходи.

— Хацуэ, не надо, — просил он ее.

— Уходи.

Теперь, сидя уже в зале суда, с испариной на висках, Исмаил испытывал неловкость оттого, что находится среди репортеров; он решил, что после утреннего перерыва сядет где-нибудь на галерее, где его никто не заметит. Пока же он сидел напротив окна, в которое ветер бросал снег, уже начавший засыпать улицы. Исмаил надеялся, что после сильного снегопада на остров опустится невероятная чистота зимы, такая редкостная и драгоценная, о которой у него с юности остались нежные воспоминания.